

Павел Девяшин

На златом крыльце сидели

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
Д25

Девяшин П. Н.

На златом крыльце сидели / Девяшин П. Н. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 77 с.

Санкт-Петербург, конец 1825 года. Сенатор Двинов найден мертвым в запертом кабинете. Кому выгодна смерть государственного деятеля? Политическим соперникам? Членам семьи? Заговорщикам, час которых вот-вот настанет? Да практически всем, кто его знал! К такому выводу придет экстравагантный следователь Поликарпов, едва отправившись по следу убийцы. Вот только... причем здесьдохлая крыса, обнаруженная в супнице покойного?

Содержание

Где кисель, там и сел...	4
Где пирог, там и лег...	12
Царские цапки	21
Гастролеры	28
Настоящая Россия	36
Пустой капкан	43
Царскосельский крысолов	51
Карты, деньги, два осла	58
На златом крыльце сидели	67
Эпилог	76

Где кисель, там и сел...

Святого мученика Парамона Зимоуказателя, понедельник, ночь

Семен Николаевич Двинов, сенатор, тайный советник, особа 3-го класса, сын знаменитого архангельского помещика, владелец села Двиново, мучительно сдерживал рвотный позыв.

На лбу его превосходительства мелким бисером проступил пот, тонкое и не по-аристократически зеленое лицо страдальчески скривилось. Приступ продолжался с четверть часа и наконец отступил. Семен Николаевич сдвинул кустистые брови. Униженные перстнями пальцы потянулись к колокольчику-балаболке: вызвать слуг, дать острастку! Однако через мгновение спазм повторился с удвоенной силой, рука беспомощно опустилась. От гнева не осталось и следа. Какое там злиться, когда и дышать трудно!

Следует сказать, недостойное чувство было оправданным, а вызвавший его инцидент заслуживающим самого пристального внимания. Досадно только, что брезгливость переросла в омерзение, а затем и в нестерпимую тошноту. А с другой стороны, ничего удивительного – не каждый день в супницу подбрасывают дохлых крыс!..

Сенатора сгибало в три погибели при одном воспоминании об увиденной картине. Ужин был в самом разгаре, когда кухарка сняла с посуды крышку и на поверхность наваристого бульона всплыли отвратительные шерстинки, качнулся тонкий хвост... Брр!

Поспешное бегство в кабинет не принесло облегчения. Было стыдно перед гостями и ужасно хотелось есть. Идти на кухню, через столовую залу, где резко пахло вареным мясом и мокрой шкурой, Двинову не хотелось. Но голод не тетка! Хорошо, догадался прихватить с собой тарелку замечательных кексов. Шоколадных с тертым грецким орехом.

Перекрестившись, тайный советник осторожно, чтобы не спровоцировать новый приступ, откусил от традиционного понедельничного лакомства изрядный ломоть. Прислушался к ощущениям. Вроде бы ничего... Семен Николаевич плеснул в фарфоровую кружку свежий кофий и подошел к окну.

Улицу заливал успокаивающий лунный свет. Пышные сугробы отражали лучи ночного светила, внося посильный вклад в городскую иллюминацию. Сквозь отворенную форточку проникал сырой декабрьский ветерок. Сенатор с наслаждением набрал в грудь побольше морозного воздуха, медленно выдохнул и отправил в рот очередной кусок десерта.

Кажется, отпустило!

Теперь можно поразмыслить над случившимся.

Кто, черт подери, способен на такую низость?! Подсунуть околелшего грызуна в щи, каково! А главное, зачем? С какой, спрашивается, целью?

Не иначе происшествие связано с сегодняшними московскими делами. К вечеру вторую столицу привели к присяге Великому князю Константину Павловичу. Хотя нет, теперь уже Императору и Самодержцу Всероссийскому Константину I.

Впрочем, сей фортель далеко не единственный! Третьего дня хвостатого супостата запустили в библиотеку. Никогда прежде почтенный сенатор не взбирался с ногами на стол с эдакой скоростью... Здесь нужно заметить, была у его превосходительства, прямо скажем, совершенно не мужская черта – паническая боязнь мышей и крыс. Что поделаться, против природы не попрешь!

Постойте-ка, а что было три дня назад? Точно! Николай Павлович отрекся от престола в пользу брата. Прекрасная вышла игра! Тонкая, изящная. В полном соответствии с интеллектуальными способностями Семёна Николаевича. Ну как тут себя не похвалить? Гений, чистый гений.

Чего нельзя сказать о соратниках. Недаром в народе говорят: «Зачем враги, коль у нас есть такие друзья!»

Взять хотя бы графа Михаила Андреевича Милорадовича. Генерал-губернатор, конечно, человек чести и приятель каких поискать, но уж больно прямолинеен. Решительность хороша лишь на поле боя, остальное требует изрядной доли воображения, терпения и лицемерия. Качеств, в которых Двинов недостатка совершенно не испытывал. Но главным талантом опытного царедворца по праву можно считать умение находить людям правильное применение.

Едва из Таганрога поспела траурная весть о кончине Его Императорского Величества Александра Павловича, Милорадович немедленно был отправлен во дворец. Кхм... с деликатным поручением-с. Даром убеждения сей молодцеватый вояка, может, и не обладал, зато имел в распоряжении не менее красноречивое средство. Шестидесят тысяч штыков – это вам не баран начинал! Даже удивительно, что Николай колебался, прежде чем дать присягу августейшему родственнику.

Браво храброму Милорадовичу! Виват хитроумному Двинову!

Словом, вышло как нельзя лучше. Теперь не придется разворачивать сомнительную авантюру с еще одними друзьями, претенциозно именующими себя «Союзом спасения». По мнению высокопоставленного чиновника, тайное общество горячих голов уместней было бы назвать «Союзниками Двинова в кампании по спасению Государства Российского».

Собственная идея – дикий, по-русски неудержимый, плохо организованный бунт, да еще и без надлежащего контроля со стороны – Семену Николаевичу никогда не нравилась. Мероприятие, способное привести на трон требуемого кандидата, сулило ненужную кровь. Конечно, ему было не привыкать. Но либеральный нрав сенатора внутренне сопротивлялся претворению в жизнь проектов столь экстравагантного толку.

Слава Богу, впереди мирное восшествие на престол личности, чья душевная организация практически полностью совпадает с интересами и умонастроениями самого Семена Николаевича. Скоро государь вернется из Варшавы, и можно будет протащить в сенате пару-тройку нужных бумаг, а к весне и вовсе заделаться вторым человеком в империи. Наконец в отчизне появится не призрачная, а самая настоящая свобода!

Глупо полагать, что не сыщется недовольных. Но это пускай! С ними все одно ничего не сделаешь, да и мало ли на Руси обиженных царскими помыслами и обделенных венценосной милостью? Так всегда было, и так всегда будет. Главное, убедить царя, что ему лично ничего не грозит. Ведь, положи руку на сердце, следовало признать, Константин Павлович при всех его достоинствах, первоста-

тейным из которых является дружеское расположение к роду Двиновых, имел существенный изъян – суеверный страх смерти. Боязнь кончить жизнь по примеру отца.

Сухая длань политического деятеля вновь потянулась за кексом. Кружка наполнилась остывшим напитком.

Нужно без промедления прекратить расшатывающие государство процессы. Успокоить императора, поручиться за благополучный исход коронации.

Ничего, найдется управа и на патриотических мальчишек, доверие заговорщиков далось тайному советнику легко. Вхожий в круг мятежных офицеров поэт присутствовал на ужине. Следует снова его пригласить, извиниться за безобразную сцену и побеседовать с глазу на глаз. Сей умный и подвижный умом господин быстро поймет, куда дует ветер, и распустит воинственных приятелей по домам. А после уж Двинов за ними приглядит. Кого нужно, приблизит и обласкает, остальных отправит за тридевять земель. К чертовой матери!..

Но вернемся к крысе!

Неужели богомерзкую тварь подложили сторонники Николая, не имеющие иной возможности насолить всемогущему вельможе? Станный способ гражданского протеста. Да и навряд ли у его высочества в Петербурге найдутся сторонники. Сомнительная популярность третьего сына покойного императора в военно-чиновничьей среде стала притчей во языцех. Даже шельмоватый Бенкендорф – извечный критик и оппонент Семена Николаевича – среди первых присягнул Константину. А кроме него у Двинова нет и не может быть серьезных противников. Ни одна живая душа не посмеет выкинуть этакий кунштюк! Слишком опасно...

В свете давно не секрет, кто именно станет фактическим соправителем России в новом царствовании и какой курс возьмет правительствующий сенат. Не потому ли Александр еще в 1823 году озаботился тайным манифестом, предрекая трон закостенелому государственнику и ретрограду Николаю? Затея, конечно, лестная (уважают!), но все одно пустая. Дудки, Ваше Императорское Величество, не на того напали!

Похоже, политические интриги здесь ни при чем. А что тогда? Быть может, чудовищный подклад – дело рук завистников?

Семену Николаевичу посчастливилось занимать выгодную должность и с точки зрения «кормлений». Тут грех жаловаться. Двинову, за глаза называемому князем Хованским, изрядно завидовали. Мимо сенатора не проходил ни один мало-мальски важный строительный прожект или ремонтный подряд, что всякий раз сулило барашка в бумажке (оттого и «князь Хованский»). Поначалу его превосходительство опирался на высокопоставленных друзей, но со временем пути-дорожки разошлись. Семен Николаевич продвинулся наверх – угодил в близкие соратники Великого князя, а бывшие товарищи в сенаторских креслах не усидели, сползли на чиновничьи стулья. Пожиже и похлипче. Весьма по сему поводу огорчались и, вне всяких сомнений, держали на Двинова сердце. Впрочем, сами виноваты! Кто мешал обогатиться, когда была возможность? И вообще, можно ли порицать человека за следование стародавним русским обычаям. Помог людям, прими благодарность... Воистину говорят: «Где кисель, там и сел!»

Сенатор хлопнул себя по лбу. А может, крысолов – поэт-заговорщик Рылеев? Кондратий Федорович имеет все основания точить на тайного советника зуб. А как же иначе? Ведь Двинов отбил у литератора пассиву.

Что за прелестное создание! Не имя, а песня: Ирина Витальевна Шляпникова. Миниатюрная, тоненькая. Столь наивная и простая, совсем еще девчонка. Невыразимо обаятельная! Она связалась с слащавым пиитом из-за денег. Тяжело, когда ни копейки за душой. Девушка принадлежала к дворянской семье. Приличной, но обедневшей. Младшая дочь, бесприданница и все такое. Из глубинки. Она совсем не избалована и бескорыстна. Обожает деревенскую пастораль, собачек, птичек. Нужда занесла бедняжку в столицу. На протяжении последних двух лет юной барышне пришлось несладко. Угроздило оказаться в содержанках женатого господина... Зато теперь дело пошло на лад, и она под присмотром законного супруга. Семен Николаевич души не чаял в молодой жене. Безусловно, без нее он бы умер! Умер!..

Но порой его превосходительству становилось тоскливо. Увы, не все в этом доме понимали, что он и Ирина созданы друг для друга. Например, любимая дочь – Лариса Семеновна Вишневецкая (в девичестве, разумеется, Двинова). После смерти матери девочка стала какой-то отчужденной. Вероятнее всего, она никогда не признает другую женщину подле отца. Лара не пыталась его понять. Так вышло, что обе они (и супруга, и дочь) почти ровесницы. И если умница Ирина изо всех сил старается найти с падчерицей общий язык, то надменная Лариска действует совершенно противоположным образом. Женщины столь же невыносимы, сколь и прекрасны!..

Слава Всевышнему, у несносной дочурки есть кому помотать нервы. Третьего месяца обвенчалась с бравым лейтенантом Гвардейского экипажа Петром Еремеевичем Вишневецким. Петруша – человек пустой и заносчивый. Лентяй, мот, нарцисс и Бог знает еще кто!.. Однако же при капитале. Притом весьма и весьма внушительном-с. Так что совет, как говорится, да любовь!

Сенатор не раз раздумывал, куда бы пристроить набившего оскомину повесу, а заодно сплавить ехидну дочь. Ничего, любить родственников можно и на расстоянии. Так даже лучше.

Семен Николаевич где-то слышал, будто покойный государь император повелел отправить в дальний поход один из самоновейших фрегатов. Куда-нибудь в Новый свет. С научно-исследовательской миссией. Старому интригану пришла в голову превосходная идея. Если подумать, в команду ведь потребуется толковый военноморской лейтенант, может, даже два или три. Так отчего бы не из Гвардейского экипажа? Не все ж им нести легкую и необременительную службу в придворных караулах и резиденциях августейших особ да ухлестывать за молоденькими служанками! Надо бы подергать за ниточки и приписать на борт дражайшего Петра Еремеевича (будь он трижды неладен!). Облобызать на дорожку милого зятя и *au revoir et pardonne*¹. Семь футов под килем!

¹ Прощай и прости (фр.)

«Эх, все-таки жаль, что ужин пропал, – подумал чиновник. – Впрочем, пустое! Не следует перед сном напираться тестом. Перекусил – и будет. Чай, с голоду не помру».

Прожевав последний кусок шоколадного кекса, сенатор вытер губы салфеткой и одернул накрахмаленный воротничок сорочки. Странно, отчего так тяжело дышать? Ведь он по-прежнему стоит подле отворенной фортки! Вон и подоконник запорошило снегом.

Сердце вдруг заколотилось, словно заяц при виде волка. Что, черт возьми, происходит?! Семен Николаевич бросил на опустевшую тарелку испуганный взгляд. Неужели перепутал посуду? Нет, полный порядок. Вензель Его Императорского Величества на месте, никуда не делся.

И все-таки ему нехорошо! Опять тошнота?

Двинов мельком взглянул на пальцы. Что за синюшный цвет! Не на шутку перепуганный чиновник попытался закричать, но не смог. Горло точно сковали железные щипцы.

Пошатнувшись, бедняга с грохотом повалился на дощатый пол. Перед глазами оказался узорчатый край ковра.

Через какое-то время в кабинет постучали. Из-под дверной щели поползли лучики от свечного светильника. Раздался голос Ларисы. Кажется, она кого-то звала, в голосе явственно различалась тревога. Девушка понимала, что стряслось нечто из ряда вон выходящее. Страшное...

– Что стряслось? – раздался голос Вишневецкого.

Сенатор приподнялся на локте и исторг нечленораздельный хрип, пробуя вымолвить хоть слово. Тщетно.

– Не знаю. Думаю, отцу плохо. Похоже, у него случился удар. Что за дурацкая привычка запираť дверь изнутри!

По коридору забежали. Хлопали створки соседних комнат. Кто-то попытался открыть замок, но тот и не думал поддаваться. Вскоре общий гам заглушил деловитый тенорок Петра Еремеевича:

– Бесполезно! Заперто на засов. Станем ломать. Отойдите, Бога ради! Дайте место...

Некто незримый навалился на треклятую дверь. Наконец она захрустела, и в помещение с оглушительным шумом влетел раскрас-